

«Грин изнутри». Так он мог бы сказать о собственном творчестве, перефразировав название своего первого опубликованного романа. **«Писатель — это не профессия, — говорит он сегодня, пройдя творческий путь длиной в шестьдесят лет. — Это литературное призвание в сочетании с жизненной позицией».** Эти слова Грина — лучшая иллюстрация к его творческой судьбе.

ности», путаной нотацией от своего имени, «Санди телеграф» передала слово двум маститым интеллектуалам из США — за перья взялись Уильям Бакли, издатель «Нэшнл ревью», и Норман Подгорец, издатель «Комментари». Они оповестили читателей: «Грэм Грин заблудился в Никарагуа».

Мой собеседник неторопливо объяснял: — На правах человека, побывавшего три раза в этой стране, я направил в газету «Таймс» письмо с вопросом к президенту Рейгану: на каком основании он называет никарагуанское правительство коммунистическим? Три члена этого правительства — католические священники, следовательно, с равным успехом его можно считать и католическим правительством. «Таймс» опубликовала мое письмо — на меня тут же обрушилась «Санди телеграф». Это входит в правила игры: западный плюрализм позволяет печатать через день абсолютно исключаящие друг друга мнения.

— Вас обвинили в том, будто вы вместе с частью католических священников, приверженцев «теологии освобождения», играете на руку коммунистам и в то же время не замечаете попрания демократии в этой стране...

— У демократии, между прочим, есть один точный критерий: как и за кого голосуют избиратели. На осенних выборах 1984 года за сандинистов проголосовали две трети населения Никарагуа. Да такого демократического волеизъявления не найти за всю историю США!

Латинская Америка — верующий континент, церковь пользуется там огромным влиянием. Чью сторону изберет она завтра? Поддержит ли бедных? Останется ли на службе имущих? За этими вопросами стоят не просто теологические разногласия, от них во многом зависит политическое будущее континента.

Совсем недавно, уже в 80-е, Ватикан наложил запрет на учение бразильского теолога Леонардо Боффа, сформулировавшего ряд принципов «теологии освобождения». Я, как вам известно, тоже католик, хотя и непрaktикующий, а потому в своих книгах уйти от проблемы социальной ответственности церкви за бедняков и угнетенных не мог. Поездка в Мексику в 30-х годах привела меня к книге «Власть и слава», которую папа Пий XII внес в список запретных для чтения.

Как видите, в церкви продолжается острая борьба между силами реакционными и прогрессивными. Это и нашло отражение в «теологии освобождения», которая сегодня все больше распространяется на латиноамериканском континенте.

Не случайно в Чили церковь поддержала правительство Альенде и до сих пор остается в оппозиции к режиму Пиночета. Архиепископ Сальвадора Ромеро убил реакцию за то, что стал приверженцем «теологии освобождения». Прогрессивную позицию заняла церковь на Гаити, на Кубе. А вот в Никарагуа сандинистская революция натолкнулась на ожесточенное сопротивление церковных верхов. За поддержку правительства многие священники осуждены Ватиканом, даже лишены сана. Зато архиепископ Манагуа Мигель Обандо

ездит в Вашингтон, встречается там с лидерами контра, и после всего этого его награждают кардинальской шапкой! **«Редактору «Таймс».** Сэр, я считаю, что большинство людей с одобрением встретит меры, направленные против разгула терроризма, но, конечно, только в том случае, если речь идет о терроризме в целом, а не выборочно. Вот одно из последних сообщений о терроризме, оно принадлежит американской монахини Сандре Прайс, которая работает в деревенском приходе в Никарагуа. «25 марта группа контра схватила одного из моих прихожан, Донато Мендоса, в его доме, вырвала у него глаза, ногти, содрала кожу с ног и лишь затем пристрелила жертву. Три дня спустя, на святую пятницу, его обнаженное, изуродованное тело было найдено. Донато всегда носил цепочку с крестиком, что свидетельствовало о его набожности. Он говорил, что потерял крестик несколько дней назад, на работе. Именно благодаря цепочке без крестика его тело и было опознано».

И это письмо Грина — он послал его в «Таймс» в апреле 1986 года — осталось неопубликованным. Редактор «Таймс» счел, что оно произведет слишком гнетущее впечатление на читателей. Ну как тут не вспомнить слова Грина: «Если не обращать внимания на подобные мелочи, то писать на Западе можно о чем хотите...» «О чем хотите?» У Грина отсчет другой. Он пишет о том, о чем не может молчать. Не тут ли тончайшая грань, отличающая истинного художника, гуманиста, интеллигента на Западе от поденщиков расхожих слов и идей, точно взвешенных золотым тельцом? Не отсюда ли постоянный конфликт Грина-журналиста с органами массовой пропаганды, в котором, будто в капле воды, отражается конфликт Грина-писателя с вершителями литературных мод и течений?

Его книги-репортажи печатают, но замалчивают; его романы расходятся миллионными тиражами на весь мир, и прав был Габриэль Гарсиа Маркес, заметив однажды, что этого не видит только одна почтенная организация на свете — Нобелевский комитет. Меж тем журналистские репортажи Грина всегда служили чем-то вроде строительных лесов для его литературных произведений. Их не разделить. Вот почему и истина Грина не в силах ограничиться ни вероисповеданием, ни верой, ни отдельной страной, ни континентом, ни «человеком изнутри», ни «человеком извне». В репортажах, статьях и письмах Грин-журналист словно бы приоткрывает нам литературные замыслы Грина-писателя.

«Начни я все сначала, я бы, конечно, повторил всю свою жизнь»

Мне вспоминается финал выступления Грина на факультете журналистики МГУ. Аудитория прощально шумела, Грин уже вставал, я весь обратился в слух: до него дошла последняя записка. Он прочел ее и засмеялся:

— Если бы начать все сначала?.. Я бы, конечно, повторил всю жизнь и начал бы с того, что опять расположился бы за старинным бюро моей матери в Беркхемстеде и написал бы на первом листе заголовков «Человек изнутри». А потом обязательно поехал бы во Вьетнам, на Кубу, в Никарагуа, пришел бы к теме малых народов, жаждущих свободы и счастья, к теме мира для всех людей... Грэм Грин формулировал принципы «теологии освобождения» не в теологических трудах, а в журналистских статьях и произведениях. Но разве не вправе мы связать с его именем и иную формулу, даже если она покажется несколько необычной, — «теология мира»? Вот чем так прекрасен его журналистский и литературный урок, продолжающийся уже шестьдесят творческих лет.

Февраль 1987 года. Грэм Грин снова в Москве:

— Я не мог не принять приглашение приехать на форум «За безъядерный мир, за выживание человечества» — так мотивировал он свой приезд. — Нить человеческой жизни всегда была тонка. В наше время столь же тонки стали жизненные нити целых стран и континентов, опаленных большими и малыми пожарами. И жизнь всего мира может оказаться на волоске, если не победит разум. Я все отчетливее понимаю: каждый человек должник мира, и весь мир — в долгу за каждого живущего на земле.

Беседу вел
Дмитрий Сабов.

Грин все-таки ответил редактору «Таймс» на приглашение высказаться «по поводу современной Америки». Толчком к ответу послужил Рейкьявик. Уже перед самым прибытием на московский форум «За безъядерный мир, за выживание человечества» он передал текст своего нового письма в «Таймс»:

«Главный аргумент, выдвигаемый со стороны США в пользу ядерного зонтика над Европой, состоит в том, что будто бы силы НАТО по сравнению с Советским Союзом располагают меньшими запасами ядерного оружия и могли бы потерпеть поражение в обычной войне. Но возможна ли сегодня в Европе обычная война? Даже если допустить, что все ядерное оружие уничтожено, все равно останутся атомные электростанции. Можно ли представить обычную войну, которая обошла бы стороной десятки Чернобылей в России, Франции, ФРГ, Англии? Несчастный случай или преднамеренная акция непременно вызовет опасность всеобщей ядерной смерти. Итак, подобный зонтик над нашей головой — что это, как не лучшее наступательное оружие?»

Итак, газета «Таймс» получила ответ от английского писателя, живущего сейчас во Франции. И конечно, не опубликовала его.